

ПРЕДЕЛЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АВТОМАТИЗАЦИИ В ДИСКУССИЯХ О БУДУЩЕМ ТРУДА

Ненадыщук Евгений Максимович — аспирант,
факультет гуманитарных наук.
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».
Российская Федерация, 105066 Москва, ул. Старая
Басманная, д. 21/4.
ORCID: 0000-0003-0128-5418
enenadyshchuk@hse.ru

Аннотация. В начале XXI века человечество стоит перед проблемой радикальных преобразований трудовых отношений под действием технологической автоматизации. Научное сообщество обсуждает перспективы посттрудового будущего, в котором труд как занятость утратит свое значение в жизни людей. Эти дискуссии также заставляют поднимать вопросы о предопределенности технологических изменений, а также о критериях и ценностях, которыми руководствуются при создании технологий. Целью статьи является рассмотрение полемики об автоматизации и будущем труда. С помощью теоретической реконструкции и сопоставления основных положений и аргументации преобладающих течений автор статьи обнаруживает, что их объединяют схожие выводы о детерминистском характере автоматизации как неподконтрольной человеку силы; односторонний взгляд на роль труда в жизни человека; игнорирование проблемы использования технологий для интенсификации неавтоматизированного труда. Альтернативой технологическому детерминизму в современных дискуссиях выступает критическая теория

Ссылка для цитирования: Ненадышук Е.М. Пределы технологического детерминизма: антропологическое измерение автоматизации в дискуссиях о будущем труда // Человек. 2024. Т. 35, № 4. С. 81–96. DOI: 10.31857/S0236200724040055

С приходом XXI века дебаты о перспективах автоматизации возобновляются благодаря появлению новых технологий и внедрению искусственного интеллекта. Утверждается, что ускорение совместного развития искусственного интеллекта и машинного обучения несет в себе потенциал будущего «мира без труда». Конечно, сегодня, как и в прошлом, есть немало сомневающихся относительно сроков и возможностей автоматизации любого труда. Однако влияние новых цифровых технологий отрицать невозможно. Как и в прошлом, существует убеждение, что новые технологии могут быть использованы на благо индивида и общества (не в последнюю очередь за счет потенциального увеличения времени, которое люди могут проводить вне работы). Кроме того, автоматизация, понимаемая как применение технологий, освобождающих человека от непосредственного участия в процессах получения, преобразования, передачи и использования энергии, материалов или информации [Автоматизация, 1997], уже давно стала неотъемлемой чертой современного общества. Ее распространение не ограничивается только процессом производства, а

включает в себя применение в области управления городской средой, логистике, сельском хозяйстве, здравоохранении, поддержании правопорядка, военном деле и социальном обеспечении. В современных дискуссиях о преимуществах и рисках автоматизации последняя рассматривается не столько как возможность отказаться от труда как изматывающей, рутинной и отчуждающей деятельности, но как реальная и неизбежная перспектива исчезновения оплачиваемого труда. При этом за пределами дебатов остается то, что труд на протяжении столетий представлял собой один из важнейших видов деятельности, определял образ жизни человека и способствовал пониманию смысла его существования [Сидорина, 2013].

Труд как приносящая доход занятость представляет собой одно из центральных социальных отношений в современном обществе и является ориентиром в жизни многих людей. Будучи главным источником денежных средств для большинства индивидуумов, наемный труд выполняет функции социального и правового обеспечения, социальной интеграции, признания, статуса, личной идентичности и экономической безопасности. Такое сведение труда к оплачиваемой занятости подверглось критике, в том числе и со стороны представительниц марксистского феминизма, концептуализировавших понятие репродуктивного труда, направленного на поддержание социальных и экологических условий для успешного воспроизводства человечества [Massacese, 2023]. Тем не менее споры о труде и перспективах трудовой деятельности в условиях автоматизации зачастую сводятся к вопросу о сохранении занятости как способа обеспечения заработка и средств к существованию, при этом смыслоопределяющая роль труда в расчет не берется.

Споры вокруг автоматизации цикличны и имеют долгую историю. Автоматизация в ее различных формах — от индустриальной механизации до «кибернетической паники» 1960-х годов [Bassett, Roberts, 2019], компьютеризации [Noble, 1984] и автоматизированного принятия решений [Andrejevic, 2020] — периодически порождает как опасения, так и утопические фантазии. Недавнее сближение достижений в области больших данных (Big Data), робототехники и искусственного интеллекта стало поводом для нового обострения полемики относительно возможных негативных последствий автоматизации. Подразумевается, что эти инновации способны фундаментально реорганизовать трудовые отношения: согласно прогнозам, распространение автоматизации повлияет на большую часть рабочих мест, положит конец связи между получением заработной платы и трудовой деятельностью человека и радикально преобразит категории свободного времени, досуга и

Е.М. Ненадышук
Пределы технологического детерминизма: антропологическое измерение автоматизации в дискуссиях о будущем труда

труда [Stiegler, 2016]. С другой стороны, высказываются опасения, что автоматизация вместо «отмены труда» приведет к росту его дегуманизации посредством «выполнения серии диалектических разворотов, превращая процессы в их противоположность: социальность в герметичную изоляцию, политику в технику, автономию в автоматизм» [Andrejevic, 2020: 10].

Так, вопрос о рисках и пределах автоматизации касается самой природы технологий и отражает тревогу человека о своем месте в будущем. Теоретики автоматизации с обоих концов политического спектра склонны рассматривать ее как неумолимую и неизбежную тенденцию, которую нельзя остановить и с которой остается только смириться. Во многом это беспокойство связано с особенностями социального катастрофизма, вызванного не только полемикой на политическом уровне, но и продукцией массмедиа, кино и рекламы [Урри, 2018].

Подвергая сомнению детерминистские представления об автоматизации как внешней и независимой от общества силы, мы задаемся вопросом: будет ли автоматизация полностью определять будущее, как это видится ее сторонникам? Понимание технологии как социотехнического процесса, оспариваемой территории и места борьбы, а не как нейтрального инструмента, помогает объяснить, почему автоматизация может и, скорее всего, будет использоваться как орудие интенсификации труда и контроля, а не как средство освобождения от труда.

Теоретизация автоматизации: четвертая промышленная революция и левый акселерационизм

Будущее труда в связи с автоматизацией трудового процесса снова находится в центре академических и публичных дискуссий. И хотя этот феномен длительное время связывался с вытеснением физического труда человека [Кейнс, 2009; Rifkin, 1995; Gorz, 1999], теперь, с появлением умных машин и технологий автоматизированного принятия решений, технологическая безработица угрожает нерутинным, высококвалифицированным и даже творческим профессиям, которые до недавнего времени считались невосприимчивыми к ней. В связи с этим следует рассмотреть текущие точки зрения на автоматизацию, чтобы прояснить ее характер и ориентированность.

Последние дискуссии об автоматизации разворачиваются в рамках господствующего нарратива о наступлении четвертой промышленной революции (ЧПР) и контр-гегемонистского политического

проекта левого акселерационизма (ЛА). Сторонники ЧПР оправдывают свое видение будущего тем, что оно неизбежно движимо длинными волнами технологических инноваций. Автоматизацию остановить невозможно и не следует. Скорее, необходимо осуществить социальную адаптацию, в том числе и посредством введения безусловного базового дохода (ББД), чтобы снизить разрыв между оказавшимися в выигрыше от наступления ЧПР и проигравшими. По словам ведущего сторонника ЧПР Клауса Шваба, исполнительного председателя Всемирного экономического форума, «...главными выгодоприобретателями ЧПР являются поставщики интеллектуального или физического капитала — изобретатели, инвесторы, акционеры, что объясняет растущий разрыв в благосостоянии между теми, кто живет результатами собственного труда, и теми, кто владеет капиталом» [Шваб, 2016: 15]. Кроме того, работники должны постоянно обновлять свои навыки и умения в условиях все более ускоряющейся «гонки с машинами», если они не хотят потерять свои трудовые места [Бриньолфсон, Макафи, 2017: 259]. Автоматизация должна послужить возобновлению накопления капитала, повышению производительности труда и увеличению управленческого контроля в производстве товаров и услуг на благо людей как их потребителей, не затрагивая существенно характер капиталистических отношений.

Напротив, теоретики левого акселерационизма (ЛА) [Мейсон, 2016; Срничек, Уильямс, 2019; Weeks, 2011] предвидят социально-революционные возможности автоматизации для перехода к посткапиталистическому обществу. Основные требования ЛА включают высокий ББД, ориентированный на преобразование социальных отношений, резкое сокращение рабочего времени без снижения заработной платы и культурный сдвиг от центральной роли этики труда в обществе. ЛА утверждает, что автоматизация освободит людей от работы и позволит им наслаждаться осмысленной жизнью. Обширное автоматизированное производство, поставленное под контроль государства, предоставит материальную основу для трансформации представлений о труде и доходе, досуге и отдыхе.

Сторонники обоих подходов к оценке перспектив автоматизации придерживаются представления о том, что труд как оплачиваемая работа скоро исчезнет, и общество должно отреагировать на это. Позиции расходятся в вопросе о последствиях автоматизации. Взгляд ЧПР выражает обеспокоенность по поводу роста безработицы и неравенства как побочных следствий автоматизации и поддерживает политику, направленную на облегчение перехода человечества в новую технологическую эпоху с сохранением труда как ключевой человеческой ценности и деятельности. Точка

Е.М. Ненадышук
Пределы технологического детерминизма: антропологическое измерение автоматизации в дискуссиях о будущем труда

зрения ЛА, напротив, сосредоточена на преимуществах автоматизации, отказе от любого труда как дегуманизирующего и отчуждающего и расширении человеческой свободы путем создания технологической утопии, в которой труд будет преодолен. Таким образом, в рамках вышеприведенных теоретических подходов к автоматизации неизбежный характер последней не подвергается сомнению. Кроме того, независимо от политических предпочтений участники дискуссий соглашались, что для компенсации заработной платы и плавного перехода в новую технологическую эпоху необходимо введение ББД.

Шаткие основания в представлениях об автоматизации как неминуемом и неостановимом процессе

Можно выделить четыре предпосылки, на которых основано обсуждение перспектив автоматизации. Во-первых, процесс автоматизации необратим и однонаправленно воздействует на общество. Во-вторых, автоматизация движется в сторону уменьшения человеческого труда. В-третьих — ограничение подходов к пониманию труда либо как безусловной ценности, либо как вредного и ненужного. И, в-четвертых, введение ББД смягчит переход к новому посттрудовому обществу.

Остановимся подробнее на этих предположениях. Во-первых, большинство утверждений об автоматизации подразумевают «сильный» технологический детерминизм, основанный на предположении, что техника является автономной сущностью со своей собственной «внутренней логикой», которая определяет ее принятие и направление. Технологии здесь рассматриваются как однородная группа инноваций и артефактов, так что часто совершенно разные технологии — роботизация, искусственный интеллект, Big Data, трехмерная печать и облачные технологии — объединяются в одну совокупность, которая предвещает уже предопределенное будущее, к которому «необходимо подготовиться». Такие изменения, согласно данному тезису, совершенно не зависят от влияния общества, которому остается лишь пассивно следовать за ними. С другой стороны, детерминизм можно определить как «слабый», если воспринимать технологии в их зависимости от социальных, экономических, политических и культурных факторов. Технологический детерминизм в его «сильном» варианте по-прежнему влияет на общественное мнение и процессы принятия решений относительно технологий [Wyatt, 2008]. Детерминизм сохраняется, поскольку при широком распространении технологий

легко принять их за единственную движущую силу, что соответствует адаптации индивидов к новым технологиям, процесс проектирования и производства которых остается для них тайной.

Хотя технологические детерминисты уверены, что будет внедрена наиболее оптимальная и эффективная технология, восприятие того, что представляет собой такая «успешная» технология, часто зависит от противоположных представлений о том, каким образом та или иная технология будет реализована. Помещение автоматизации в политические, культурные и социальные контексты подчеркивает взаимосвязь технологических и социальных отношений, которые определяют, как, почему и при каких условиях появляются новые технологии. Так, для представителя критической теории технологий Э. Финберга техника является не нейтральным инструментом, а силой, способствующей освобождению человека либо закреплению властных отношений. Согласно философу, любая технология представляет собой сцену борьбы между различными социальными, политическими и цивилизационными альтернативами [Feenberg, 2017: 15].

Во-вторых, можно утверждать, что область труда, где задействован человек, не только не сокращается, но даже расширяется. Так, использование онлайн-технологий и цифровых платформ уже стало катализатором для увеличения объема невидимого и часто неоплачиваемого цифрового труда. Человеку, вероятно, придется столкнуться не с безработицей, а с большим количеством и худшим качеством работы. Можно также представить себе будущее, в котором будет распространяться низкооплачиваемая и низкопроизводительная работа — от уборки и приготовления пищи до присмотра за детьми и выгула собак. В этом случае работников будут продолжать нанимать, но на должности, которые для большинства из них вряд ли имеют какую-либо внутреннюю ценность.

Помимо этого, владельцы фирм могут обнаружить, что проще и выгоднее внедрять технологии для управления работниками и интенсификации человеческого труда. В этом случае труд становится более контролируемым, а не заменяется машинами. Участники трудового процесса теперь сталкиваются с необходимостью ежесекундной записи и оценки своих действий с помощью цифровых технологий, использования электронной почты и форм цифрового планирования, которые требуют, чтобы работники были «на связи» круглосуточно. Поскольку в ближайшем будущем стоит ждать разработки более сложных технологий наблюдения, которые можно будет носить на себе и даже имплантировать работникам, это предоставит еще больше возможностей для мониторинга и интенсификации работы. Опасаться, скорее всего, стоит не того, что роботы отнимут у человека работу, а того,

Е.М. Ненадыщук
Пределы технологического детерминизма: антропологическое измерение автоматизации в дискуссиях о будущем труда

что сама работа превратится в еще более обременительный, отягощенный роботизацией опыт.

Подводя итог, можно сказать, что реальная угроза, которую представляет автоматизация, — это не столько количественная замена или вытеснение рабочих мест, сколько эрозия, «гигификация» и обесценивание труда — его усиленная рутинизация и дисциплинирование с помощью цифровых технологий [Jones, 2021]. Такое положение дел противостоит как апокалиптическим, так и утопическим декларациям сторонников автоматизации, убежденных в ее неизбежности, которые тем не менее могут иметь самоисполняющуюся перформативную силу, препятствуя принятию необходимых политических решений [Thompson, 2022].

В-третьих, каждая из позиций однобоко рассматривает роль труда в жизни человека. Приверженцы ЧПР рассматривают труд как нечто благое по своей сути, как необходимое условие человеческого благосостояния, не ограничиваемое получением заработной платы [Бриньолфсон, Макафи, 2017: 302]. Сторонники ЧПР называют работу «полезной» для человека и призывают к принятию политики, защищающей ее от автоматизации. Это основано на предположении, что человеческая жизнь обогащается трудом и что исчезновение работы приведет к экзистенциальному кризису в обществе [Сидорина, 2013, 2023]. Разрушительным последствиям автоматизации, как утверждается, необходимо противодействовать путем предоставления ББД, который будет поддерживать работников в финансовом отношении, когда работы станет намного меньше [Форд, 2016: 214].

Сторонники ЛА придерживаются противоположной точки зрения, согласно которой работа оказывает регрессивное влияние на благосостояние человека. Одержимость трудом как прямым источником благополучия здесь рассматривается как опасная, поскольку способствует жизни, в которой творческая деятельность вне труда недооценивается или отрицается. Считается, что трудоемкость упускает из виду то, что хорошая жизнь влечет за собой свободу от труда и изобилие свободного времени [Срничек, 2019: 181–184; Weeks, 2011: 170–171]. Эта точка зрения поощряет автоматизацию как способ «отменить» работу посредством высвобождения времени для творческой деятельности, выходящей за рамки труда как занятости.

Обе вышеуказанные позиции могут быть оспорены. Первая не видит ценности сокращения рабочего времени там, где это увеличивает свободу работников, и не принимает мер по повышению качества труда. Утверждению, согласно которому любая работа является «хорошей», можно противопоставить аргументы в пользу

достижения лучшего качества труда, который имел бы характер осмысленности и значимости для работников [Гребер, 2020].

В свою очередь в рамках ЛА вопросы улучшения условий труда и правовой защиты работников остаются без внимания. Однако, на наш взгляд, еще рано пренебрегать мерами по повышению качества труда и правовому статусу работников хотя бы потому, что труд не исчезнет одномоментно и в той или иной форме будет сохраняться и в будущем. Кроме того, сторонники ЛА оставляют без внимания идею использования технологий не только для сокращения рабочего времени, но и качественной трансформации самой работы.

Так, Марксово видение будущего предполагает эволюцию труда как свободного развития человека, что зависит и от использования технологий для его блага [Маркс, 1962: 386–387]. Однако, можно видеть, что теоретики посттруда избегают рассмотрения вопросов о том, как превратить труд в позитивную и приносящую удовлетворение деятельность и способна ли автоматизация сочетаться с повышением роли осмысленного труда для человеческого процветания.

В-четвертых, при обсуждении автоматизации введение базового дохода как средства для преодоления технологической безработицы часто воспринимается как нейтральный с точки зрения ценностей инструмент экономической и социальной политики. Существует связь между технологическим детерминизмом, лежащим в основе доминирующих теорий автоматизации, и обращением их к технократическим решениям, что ведет к игнорированию сложных социальных и политических вопросов [Бенанав, 2022: 155]. Таким образом, ББД можно рассматривать как отказ от более фундаментальных предложений, которые способны решить задачу использования технического прогресса для преобразования труда в деятельность, приносящую благо, одновременно переосмысляя формы труда, которые, вероятно, сохраняются, несмотря на автоматизацию. Более того, даже самые щедрые предложения ББД сводятся к трансфертным выплатам, которые оставляют без внимания асимметрию власти между рабочими и работодателями. Поэтому необходимо рассматривать ББД не как панацею, а как один из дополнительных инструментов для преодоления кризиса труда.

Роль технологий в человекоориентированной автоматизации

В связи с предложенной критикой предположений о неизбежности автоматизации следует пересмотреть некоторые устоявшиеся представления о труде и технологиях. Труд следует рассматривать

Е.М. Ненадышук
Пределы технологического детерминизма: антропологическое измерение автоматизации в дискуссиях о будущем труда

Схожая идея касается перспективы «поставтоматизации» — теоретических и эмпирических исследований, анализирующих условия и возможности, позволяющие людям пересоздавать и использовать технологии ради целей и ценностей, отличающихся от заложенных в автоматизации. Иными словами, автоматизация может принять иной характер не только благодаря социальному контролю над технологиями, но и за счет субъекта и способа их разработки. Субверсивное использование технологий бросает вызов технологическому детерминизму, демонстрируя различные варианты их адаптации к требованиям людей и сообществ, что открывает пути для обсуждения альтернативного будущего за пределами автоматизации и политики технологий, руководствующейся гуманистическими критериями: «Вместо автоматизации, основанной на накоплении капитала, управленческом контроле и производительности труда, поставтоматизация предполагает более плюралистические отношения, коренящиеся в человеческом творчестве, счастье и заботе» [Smith, Fressoli, 2021].

90

техники, так и в социальных структурах и институтах [Feenberg, 2002]. Согласно этой концепции, демократизированная технология достигается не только за счет совместного проектирования новых технических артефактов, но также за счет альтернативного повторного присвоения существующих технологий, а также сопротивления и протестов социальных движений, которые подталкивают к сдвигам в техносоциальной политике.

Переупорядочение социальных отношений вследствие автоматизации обуславливает радикальную трансформацию общества посредством нового видения технологий, ориентированных на человека. Такой уровень изменений, возможно, потребует серьезных усилий. Существуют практические проблемы, связанные с идеей расширения участия человека в формировании будущего. Не сведется ли существование освобожденных от повседневной рутинной работы индивидов к потребительскому образу жизни? Хотя нет ничего плохого в том, чтобы расширять возможности для развлечений и досуга, режим бесконечного и монотонного потребления, в конце концов, по своему характеру оказывается близок бессмысленному, дегуманизирующему труду. Наличие любительских интересов (а также творческих устремлений, склонности к волонтерской работе, участию в общественной жизни и пр., обнаруживаемых у значительного числа людей) вне финансовой заинтересованности, позволяет предположить, что и для этих видов деятельности останется место вне оплачиваемого труда. Однако будет ли этого достаточно, чтобы поддержать творческое и заинтересованное общество, когда труд как занятость сократится? В настоящее время оплачиваемая занятость в условиях растущей конкуренции является единственным вариантом для большинства, что определяет характер труда, а также используемые и разрабатываемые человеком технологии. Если переосмыслить, что подразумевается под «значимой» и «продуктивной» работой, то откроется дорога для новых способов жизни, основанных на более широком спектре социальной активности и культуре, где ценится персональный вклад в разностороннее развитие общества. С этой целью следует преобразовывать уже существующие и создавать новые технологии, которые соответствуют потребностям работников как в меньшем, так и в лучшем труде, а также создают возможности для новых форм социального взаимодействия и новых навыков, используемых для достижения социальных целей, не ограниченных только получением прибыли и материального достатка.

* * *

В настоящее время дебаты об автоматизации и посттрудовом обществе свелись к противостоянию сторонников четвертой

Е.М. Ненадышук
Пределы технологического детерминизма: антропологическое измерение автоматизации в дискуссиях о будущем труда

промышленной революции и левого акселерационизма. Если представители ЧПР, обращаясь к рассмотрению конвергенции разных видов технологий, предсказывают наступление автоматизации и описывают мрачное будущее наступающей технологической безработицы, то сторонники ЛА утверждают, что полная автоматизация освободит работников от тяжелого труда и создаст новые возможности для посткапиталистического будущего. Теоретикам обеих позиций свойственно принимать технологии за движущую силу общественных изменений, без всяких сомнений рассматривая автоматизацию как бесповоротную тенденцию к замене труда человека работой машин. Кроме того, они совпадают в предлагаемых в качестве меры социальной поддержки рецептах по облегчению грядущего кризиса труда.

При определенных пересечениях и совпадениях рассмотренных теорий автоматизации можно обнаружить ряд противоречий и утверждений, ограничивающих комплексное рассмотрение этого феномена. Сторонники обеих сторон полемики об автоматизации настаивают на необходимости перемен в сфере труда, однако больше внимания уделяют роли технологий как фактора преобразования общества и меньше — влиянию социальных, политических, экономических и культурных факторов на сами технологии. Кроме того, из поля зрения дискутантов выпадает проблема отчуждающей, бессмысленной и малоценной работы, а также роль новых технологий в ужесточении контроля и интенсификации труда. Акцент на имплементации ББД отвлекает от более сложных решений проблемы технологической безработицы. Наконец, ограничение будущего идеей посттруда оставляет вне рассмотрения возможность восстановления труда как осмысленной, способствующей творчеству автономии и в то же время укрепляющей общественные связи деятельности.

Чтобы избежать подводных камней, присутствующих в полемике вокруг автоматизации, следует обратить внимание на то, как технологии разрабатывают, внедряют и трансформируют не только в научных лабораториях и на производстве, но и в повседневной жизни. Такие двунаправленные отношения техники и общества, их совместное влияние и адаптация рассматриваются представителями критической теории технологий и исследований поставтоматизации в соответствии с нуждами и интересами человека в самых разных социальных, политических, экономических и культурных контекстах. Человек как социальное существо здесь выступает не как пассивный пользователь и объект воздействия со стороны технологий, но как их творец и дизайнер, а также инициатор и драйвер технологических инноваций.

Вышеприведенные подходы к технологическому развитию и автоматизации поднимают вопросы о том, являются ли технологии ценностно нейтральными, а также каким образом они могут служить средством укрепления или оспаривания политических и социально-экономических порядков, поскольку любая технология создается и воплощается с уже встроенными установками и предпочтениями разработчиков, владельцев, политиков и публичных лиц, ответственных за ее имплементацию. Чтобы предложить альтернативы текущему осмыслению автоматизации как односторонней, линейной, неостановимой и не нуждающейся в человеческом участии, необходимо перестать рассматривать отношения между людьми и технологиями как аксиологически нейтральные и перейти к выявлению и замене ценностных пресуппозиций, стоящих за осуществлением автоматизации, поскольку повышение эффективности труда вступает в конфликт с благополучием и процветанием людей и укреплением социальных связей. Наконец, следует оценить и обрисовать этические, социальные и политические последствия разработки и внедрения технологий, в том числе и на рабочем месте, что позволит спроектировать и перепрограммировать их как средства достижения устойчивого и гармоничного развития человека и общества.

В свою очередь автоматизация, направляемая целями процветания и развития человечества, открывает пути для переосмысления труда как творческой, социально-ориентированной и осмысленной деятельности. Переориентация с экономических стимулов на источники внеэкономической мотивации позволит людям реализовывать свои способности и потребности в творческом самовыражении и осмысленной деятельности. Такая своеобразная декоммодификация труда потребует социально-культурного выхода за рамки преобладающих ценностей, основанных на экономическом росте, продуктивизме и эффективности, и усиления роли социально необходимого труда, направленного на поддержание общества как устойчивой и в то же время плюралистичной системы посредством творческой субъективности, основанной на отношениях взаимозависимости, заботы и солидарности.

Е.М. Ненадышук
Пределы технологического детерминизма: антропологическое измерение автоматизации в дискуссиях о будущем труда

The Limits of Technological Determinism: The Anthropological Dimension of Automation in Discussions about the Future of Work

Evgeny M. Nenadyshchuk

Postgraduate student, Faculty of Humanities.

HSE University.

21/4, Staraya Basmannaya Str., Moscow 105066, Russian Federation.

enenadvshchuk@hse.ru

Keywords: post-work society, automation, fourth industrial revolution, left accelerationism, technological determinism, post-automation, unconditional basic income, work intensification.

For citation: Nenadyshchuk E.M. The Limits of Technological Determinism: The Anthropological Dimension of Automation in Discussions about the Future of Work // *Chelovek*. 2024. Vol. 35, N 4. P. 81–96. DOI: 10.31857/S0236200724040055

Автоматизация // Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова.
М.: Большая российская энциклопедия, 1997. С. 14.

Avtomatizatsiya [Automatization]. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [The Great Encyclopedic Dictionary], ed. by A.M. Prohorov. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya Publ., 1997. P. 14.

Бенанав А. Автоматизация и будущее работы / пер. с англ. Н. Проценко. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.

Benanav A. *Avtomatizatsiya i budushchee raboty* [Automation and the future of work], transl. from English by N. Protsenko. Moscow: Gaydar Institute Publ., 2022.

Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий / пер. с англ. П. Миронова. М.: АСТ, 2017.

- Brynjolfsson E., McAfee A. *Vtoraya era mashin. Rabota, progress i protsvetaniye v epokhu noveishikh tekhnologii* [The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies], transl. from English by P. Mironov. Moscow: AST Publ., 2017.
- Гребер Д. Бредовая работа: Трактат о распространении бессмысленного труда / пер. с англ. А. Арамяна, К. Митрошенкова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
- Graeber D. *Bredovaya rabota: Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda* [Bullshit Jobs: a Theory], transl. from English by A. Aramyan, K. Mitroshenkov. Moscow: Ad Marginem Publ., 2020.
- Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков / пер. с англ. Д. Шестакова // Вопросы экономики. 2009. № 6. Р. 60–67.
- Keynes J.M. *Ekonomicheskie vozmozhnosti nashih vnukov* [Economic Possibilities for Our Grandchildren], transl. from English by D. Shestakov. *Voprosy Ekonomiki*. 2009. N 6. P. 60–67.
- Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25, ч. II. М.: Политиздат, 1962.
- Marx K. *Kapital*. T. III [Capital. Vol. III.]. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. [Works]. Vol. 25, pt. II. Moscow: Politizdat Publ., 1962.
- Мейсон П. Посткапитализм: Путеводитель по нашему будущему / пер. с англ. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Mason P. *Postkapitalizm: Putevoditel' po nashemu budushchemu* [PostCapitalism: A Guide to Our Future], transl. from English by A. Dunaev. Moscow: Ad Marginem Publ., 2016.
- Сидорина Т.Ю. Вопрос о труде и смысле жизни // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 3–14.
- Sidorina T.Yu. *Vopros o trude i smysle zhizni* [The Question of Work and the Meaning of Life]. *Voprosy filosofii*. 2013. N 9. P. 3–14.
- Сидорина Т.Ю. Homo irretitus & homo faber: человек трудящийся в зоне риска // Вопросы философии. 2023. № 9. С. 50–59.
- Sidorina T.Yu. *Homo irretitus & homo faber: chelovek trudyashchiysya v zone riska* [Homo Irretitus & Homo Faber: Worker Man in a Risk Zone]. *Voprosy filosofii*. 2023. N 9. P. 50–59.
- Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: Посткапитализм и мир без труда / пер. с англ. Н. Охотина. М.: Strelka Press, 2019.
- Srnicek N., Williams A. *Izobretaya budushchee: Postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work], transl. from English by N. Okhotin. Moscow: Strelka Publ., 2019.
- Урри Дж. Как выглядит будущее? / пер. с англ. А. Матвеевко. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Urry J. *Kak vyglyadit budushchee?* [What Is the Future?], transl. from English by A. Matvienko. Moscow: RANEPa, “Delo” Publ., 2016.
- Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
- Ford M. *Roboty nastupayut: Razvitie tekhnologii i budushchee bez raboty* [The Rise of Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future], transl. from English. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ., 2016.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. М.: «Эксмо», 2016.

Е.М. Ненадыщук
Пределы технологического детерминизма: антропологическое измерение автоматизации в дискуссиях о будущем труда

- Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya* [The Fourth Industrial Revolution], transl. from English. Moscow: "Eksmo" Publ., 2016.
- Andrejevic M. *Automated Media*. London: Routledge, 2020.
- Bassett C., Roberts B. Automation Then and Now: Automation Fevers, Anxieties and Utopias. *New Formations*. 2019. Vol. 98. P. 9–28.
- Feenberg A. *Transforming Technology: A Critical Theory Revised*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Feenberg A. *Technosystem: The social life of reason*. Harvard: Harvard University Press, 2017.
- Gheaus A., Herzog L. The Goods of Work (Other Than Money!). *Journal of Social Philosophy*. 2016. Vol. 47. N 1. P. 70–89.
- Gorz A. *Reclaiming Work: Beyond the Wage-Based Society*. Cambridge: Polity Press, 1999.
- Jones Ph. *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. London, New York: Verso Books, 2021.
- Massacese M.J. Feminist Imaginings in the Face of Automation and the "End of Work": De-Automating Reproduction and Reorganizing Kinship. *Resistances. Journal of the Philosophy of History*. 2023. Vol. 4. N 7. e230110. DOI: 10.46652/resistances.v4i7.110
- Mokyr J., Vickers C., Ziebarth N.L. The History of Technological Anxiety and the Future of Economic Growth: Is This Time Different? *Journal of economic perspectives*. 2015. Vol. 29. N 3. P. 31–50.
- Noble D.F. *Forces of Production: A Social History of Industrial Automation*. New York: Alfred A. Knopf. Inc., 1984.
- Rifkin J. *The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era*. New York: Putnam Publishing Group, 1995.
- Smith A., Fressoli M. Post-automation. *Futures*. 2021. Vol. 132. e102778. DOI: 10.1016/j.futures.2021.102778
- Stiegler B. *Automatic Society, vol. 1: The Future of Work* [La Société automatique, 1: L'Avenir du travail], transl. from the French. Cambridge: Polity Press, 2016.
- Thompson M. Money for everything? Universal basic income in a crisis. *Economy and Society*. 2022. Vol. 51. N 3. P. 353–374.
- Weeks K. *The Problem with Work: Feminism, Marxism, Antiwork Politics and Postwork Imaginaries*. Durham: Duke University Press, 2011.
- Wyatt S. Technological Determinism is Dead; Long Live Technological Determinism. *The Handbook of Science and Technology Studies*, E.J. Hackett, O. Amsterdamska, M. Lynch, J. Wajcman (eds). Cambridge: MIT Press, 2008. P. 165–180.